

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

стр. 2

Воспоминания Надежды
Ивановны Гришкевич

стр. 2

СЕРГЕЙ ГРАНИК:
"ВЗГЛЯД ПРОСТОГО
ЧЕЛОВЕКА"

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Наш Край - Загородье

№ 21
декабрь 2012 г.

Историко-краеведческая газета Дрогичинского района

стр. 10

ОФИЦЕР ДВУХ АРМИЙ

Памяти Вячеслава
Исидоровича Миховича

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ - НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

стр. 6

Воспоминания Ольги
Николаевны Румачик

стр. 11

**ТРИ ВЛАСТИ
В ПАМЯТИ
АНДРЕЯ
ЩИТОВИЧА**

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Взгляд простого человека

Укитайцев, известных своим своеобразным взглядом на жизнь, в обиходе бытует одно странное проклятие. Если им не нравится человек, они желают ему «жить во время перемен». Эта фраза красноречиво вписывается и в нашу жизнь. Ныне живущее поколение белорусов хорошо знакомо с политическими или экономическими потрясениями. Но эти потрясения несравнимы с теми что пережили люди во время Великой Отечественной войны. Пока ещё живы те, кто на протяжении 20-го века видел войну и был участником испытаний выпавших на их долю. Свидетелей этих «интересных» событий с каждым годом становится все меньше и меньше, и поэтому воспоминания того, что они пережили, с годами становятся ценнее.

Взгляд простого человека-участника событий часто значительно отличается от истории, изложенной в учебнике. Но это не значит, что история не из учебника плоха. Мы знаем, ценно то, что не зависимо от влияния идеологии. Учебники переписываются, а воспоминания простых людей остается неизменным. И если не принять мер, то существовать эти воспоминания будут ровно столько, сколько будут жить сами их носители. На Западе уже давно обратили на это внимание. В Беларуси же историков, которые пишут не об истории, а о простом человеке в круговороте событий, можно пересчитать по пальцам. Но, тем не менее, задокументировать и сохранить воспоминания – это самое главное, что сейчас можно сделать. Свидетели событий живут среди нас, и тот, кто ищет истину, понимает, что она где-то рядом. Но необходимо торопиться...

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

При Польше...

При Польше Дрогичин был центром повета, Полесского воеводства, а Брашевичи – центром гмины. Населения в деревнях было много. Семьи многодетные, так как для работы на земле необходима была сила. Жили многие по хуторам, там, где была земля. Польская власть строго следила за выполнением Закона и порядком. Иногда за грязь на улице или во дворе штрафовали хозяев.

В Дрогичине был повятовый староста, войт и три полицейанта. Помню даже полицейантов фамилии: Денисейко и Бурак...

Перед Законом были все равны. В самом Дрогичине и по гминам молодёжь создавала различные общественные организации разных направлений. Мне нравилась организация «Коло молодёжи», которую в Дрогичине возглавлял поляк Бородзинский. Там было очень интересно. Ребята пели песни, читали стихи и просто общались. На их мероприятия приглашали известных в повете и воеводстве людей. Когда они собирались в Брашевичах, то я всегда приходила послушать и поучаствовать в мероприятии.

В деревнях и по хуторам проживали местные, польские осадники, были и украинцы, а евреи из Брашевич выехали в Америку.

В Дрогичине было много частных магазинов, принадлежавших евреям. Помню, как с отцом ездили за покупками в один государственный магазин, который назывался «Спудзельня». Главное, что люди в то время жили дружно. В Брашевичах была польская школа, директором в которой был Шевчук. Газет крестьяне не выписывали. Все новости узнавали в гмине. Секретарями (писарями) в гмине были: Пшижевский и Карпович.

Людей интересовало то, как живётся в Советском Союзе. Активисты КПЗБ (политиканы) расхваливали, что там, в колхозах, как в раю. Поляки наоборот рассказыва-

ВОСПОМИНАНИЯ НАДЕЖДЫ ИВАНОВНЫ ГРИШКЕВИЧ, ЖИТЕЛЬНИЦЫ Д. ЦЫБКИ

ли о страшном голоде на Украине и России, и им люди верили. Многие активисты уехали в Россию. Были и те, кто возвращался обратно, вкусив новую жизнь в колхозах.

Главным начальником (властью) в селе был солтус. Что он говорил, то люди и делали. Многие молодых парней призывали в Войско Польское. Отслужив, возвращались домой. Жизнь была нормальной. Везде частная собственность. И за деньги всё можно было купить. Евреи могли принять продукты в обмен на товар, т.е. расчёты вели по бартеру. Было много передвижных торговцев. Они ходили или ездили по деревням и занимались обменом. Часто останавливались на ночлег и у нас. Мне запомнился один такой еврей по имени Ицко. Он собирал вторсырьё в обмен на спички, мыло, иголки, пуговицы и т.д. Оставаясь на ночлег, рассказывал разные истории и пел еврейские народные песни.

В Брашевичах был фельдшер, которого люди называли доктор. Он первым в деревне купил велосипед, и дети за ним бегали, не понимая как он едет. В то время велосипед стоил очень дорого и был роскошью. Цыбковская молодёжь часто ходила к униатскому священнику Нолвицкому в Торокань. Он был очень добрый и уважаемый человек. Помогал многим крестьянским детям получить образование, направляя их на учёбу в Вильно, Ковно и Варшаву. В 1939 г., когда началась война, он сказал чтобы люди готовились к суровым испытаниям. Для нас: "Ничего хорошего ожидать и с Запада и с Востока не нужно. Гитлер и Сталин

безбожные и больные... не знают что творят". У него было радио, и когда немцы напали на Польшу, многие ходили почти каждый день и его слушали. 18 сентября, когда мы пришли, он сказал, что по радио сообщили, что Советы напали на Польшу, и Польша падёт. Еще попросил собравшихся приехать завтра на телегах, чтобы он смог раздать имущество и книги. Только так их можно спасти. И попросил религиозную литературу прятать от большевиков. Мои надежды на учёбу в Варшаве разрушила начавшаяся война.

При Польше я закончила 5 классов школы. Обучение было на польском языке. Много внимания уделялось Закону Божьему. Детям в школе выдавали еду. Иногда печенье и конфеты. Дисциплина была очень строгая. Заслушание учителя могли ставить в угол и бить линейкой. Каникулы были летом, и на Коляды. Учителями работали поляки. Старшие классы (6-7) были в Брашевичах.

Помню, что по деоვნям ходило много нищих. Люди в подаянии им не отказывали и даже предоставляли место для ночлега. От этих «путешественников» мы узнавали новости и то, что делается далеко.

Первые Советы

В сентябре 1939 г. началась война. Германия напала на Польшу. Некоторые («политиканы») знали, что Польша капитулирует, и надеялись только на Россию, которая могла защитить от немца.

В конце сентября сообщили, что Красная Армия идёт освобож-

*Светлана Николаевна Ищенко,
педагог ОСШ №2 г. Дрогичина.
Воспоминания своей бабушки
Надежды Гришкевич и
Андрея Щитовича (жителей д.
Н.Попина) были записаны ей во
время учебы на историческом
факультете БРГУ им. Пушкина.
Публикуются впервые.*

*Надежда Ивановна Гришкевич.
Германия, нач. 1940-х гг.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

дать нас. Её с радостью ждали. Не хотелось, чтобы нас захватили немцы. Активисты в деревнях, делали брамы, украшенные цветами и ветками для встречи Красной Армии.

Говорили: «Лучше пусть будет русский Ваня, чем немец». Немцев боялись. Вскоре Советы установили новую власть. Сразу же начались репрессии по отношению к осадникам и зажиточным крестьянам.

Хорошо помню выборы перед войной. Они отличались от тех, что были при Польше. Комиссии назначались. Люди надеялись, что им дадут землю, конфискованную у панов. Начинают создаваться колхозы, но мало в них шли.

Больше всего люди были недовольны антирелигиозной политикой новой власти. Видели, как насаждается новая вера. Многих батюшек и ксендзов вывезли в Россию.

Война

Только наладилось всё при Советах, как грянула война с Германией.

У нас в деревне в 1941-42 гг. было тихо. Помню, что люди рассказывали, что в Субботах побили евреев и обоз немцев в лесу.

Цыбки были спалены немцами в марте 1943 г. при таких обстоятельствах. В деревне находилось несколько партизан. Они выставили охрану, а сами были в одной хате. Охрана сообщила, что из Брашевич движется колонна немцев. Партизаны выскочили на улицу и начали стрелять в их сторону. Для немцев вреда не причинили, а сами, видя, что немцев много, начали отходить в лес. Судьба деревни была решена. Услышав стрельбу и поняв, что их немцы накажут, жители бросились в лес. Каратели развернулись в боевой порядок, и пошли на деревню. Сожгли всё до последнего дома. Хорошо, хоть люди уцелели и спаслись бегством

Первые колхозники в д. Цыбки.
Фотография 1939 - 1941-х гг.

в лес. Как жить дальше никто не знал. Все сразу потеряли всё, а впереди зима.

Жить было тяжело. Торговали бартером. Меняли продукты и полотно на соль, спички и керосин. Некоторые жили и без этого.

Медицины не было. Люди, лечились народными средствами и использовали травы, снадобья, которые готовили старики.

В войну местную администрацию в Брашевичах возглавляли солтус и агроном. Все документы они выдавали.

По существу, население разделилось на тех, кто за Советов, и тех, кто за немцев. Воевали в основном партизаны с полицией и жестоко мстили друг другу. Немцам выдавали семьи тех, кто ушёл в партизаны, а партизанам тех, кто в полиции. Немцы приезжали и семью били. Особенно своей жестокостью прославился полицай из Брашевич Созонтий Якуш "Шкуба". Он не жалел никого. Когда партизаны жгли постерунок в Брашевичах, "Шкуба"

выскочил через окно и сбежал. После этого был комендантом полиции в Вавуличах (там тоже избежал гибели) и Дрогичине.

В их семье были и в партизанах (брат), а он был в полиции. После освобождения его под другой фамилией опознал в Пинске житель Брашевич Костя Сакович. Узнал его по голосу и сдал в МГБ. Костя чудом уцелел во время войны. Когда полицаи расстреливали его семью, он спрятался под печью и выбрался из горящей хаты. "Шкубу" арестовали, судили в Дрогичине и повесили.

В Германии

В конце 1942 г. мне выдали повестку для отправки в Германию. Эту повестку принёс сам солтус. Из Цыбок на отправку тогда шло 8 парней и я, одна девушка. Погрузили в вагоны на станции Дрогичин и отправили в Брест. Там опять сортировка. Переночевали в какой-то полуразваленной церкви в крепости. Утром построили и сказали, что повезут на 3 месяца на работу в Германию. На станции погрузили в вагоны и отправили в Гродно. Там помыли в бане. Дальше дорога шла в немецкие города Ганерштерн, а затем в Штэльп. Через некоторое время, разделив на партии, всех распределили, меня направляют в г. Арбальдзан, но нужно было ждать хозяев. Вскоре приехали отбирать рабочую силу. Мы решили взяться за руки и не соглашаться, чтобы нас направляли по разным хозяевам. Выходит переводчик и говорит, чтобы мы шли к хозяевам, там будет лучше, чем на заводе. Подошла немецкая служащая, выбрала меня, девушку и парня. Повела на вокзал, чтобы завести на хозяйство бауэра. Наша деревня называлась Глѣвец-Корнен. Вскоре мы до неё добрались и зашли во двор. Там уже горел свет и стоял накрытый едой стол. Нас ждали. Для меня их трудовой образ жизни был удивителен, так как работали всей семьёй с утра до вечера.

а хозяйке 75 лет. У них на фронте воевало 6 сыновей. Один сын работал фельдшером. Его не забрали потому, что кто-то должен был быть с престарелыми родителями.

Сначала было трудно с языком. Переводил всё поляк. По-польски я говорила хорошо, и они меня называли полькой. 12 марта 1945 г. нашу деревню освободили союзники. Позабирали мы свои вещи и вместе с поляками, русскими и французами на телегах поехали в г. Арбальдзант. Там были русские военные, которые разбирали нас на работу. Я попала работать на аптечный склад поваром. Как им сказали, месяца на два. Вскоре перевели в военную комендатуру заведующей столовой.

Запомнила один случай, когда к нам в столовую привели 5 евреек (3 из Лодзи и 2 из Вильно). Они потом рассказывали, что их гнали на море, чтобы утопить, но русские освободили. Через некоторое время расформировали и послали в деревню вести учёт, сколько немцы нажнут жита. Уборка вскоре закончилась, и нас начали готовить к отправке домой. Выдали на дорогу продукты и картошку. Добирались попутными эшелонами очень долго. Когда прибыли в Брест, всё что везли забрала милиция.

Вскоре я оказалась в Дрогичине, а оттуда пришла пешком домой в Цыбки. Наша семья в июле 1945 г. еще жила в землянке.

Когда проходила регистрацию в милиции, то спрашивали про агронома и солтуса, что служили немцам. Агронома из нашей деревни посадили на 15 лет, а солтус прикинулся больным и избежал суда.

Воспоминания
записала и обработала
Светлана Ищенко

Танцы молодежи в д. Цыбки.
Довоенная фотография.

Надежда Ивановна Гришкевич
и немецкие хозяева.
Германия, нач. 1940-х гг.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ —

На своем 86-м году жизни **Ольга Николаевна Румачик является одной из старейших жительниц своего многоквартирного дома по улице К. Маркса в Дрогичине. 40 лет своей жизни она отдала школе. Будучи учительницей начальных классов, Ольга Николаевна набиралась опыта вместе со своими учениками. Все хорошо сложилось и в ее семье. Вместе с мужем Петром Филипповичем она воспитала двух дочерей. Сейчас у нее есть внуки и правнук. Однако, всего этого Ольга Николаевна добилась далеко не сразу – приходилось усердно работать, чтобы достичь в жизни многого. На вопрос «Как?», она отвечает: «Жизнь прожить – не поле перейти». Насколько эта народная мудрость относится к Ольге Николаевне, мы можем узнать из ее воспоминаний.**

ПОЛЬСКАЯ ШКОЛА

При Польше дети должны были обязательно ходить в школу. Накануне учебного года домой к родителям приходило напоминание, и если они не послали ребенка в школу, их могли оштрафовать. Моя старшая сестра ходила в соседнюю деревню Ляховичи, потому что в нашей деревне школы тогда еще не было. Отец зимой отвозил и забирал ее на санях, весной и осенью, когда была хорошая погода, она ходила сама. В тот год, когда в школу предстояло пойти мне, в нашей деревне её построили. А помогло этому то, что одному односельчанину из Америки родственники прислали денег, и он построил в деревне большой дом, половину которого отдал для занятий с детьми. Мне было легко учиться потому, что ещё до школы, научилась читать, писать и считать по учебникам старшей сестры.

У нас был большой класс – около 25 учеников. Класс разделили примерно поровну. Одну половину составляли местные деревенские ребята, другую – дети осадников. Учительница была хорошей, и даже не смотря на то, что она сама была полька, ко всем старалась относиться одинаково. Сами же дети, особенно мальчики, друг друга недолюбливали. И почти каждый день заканчивался дракой местных с поляками. Мы с девочками-полячками дружбу тоже не водили. У нас были обычные уро-

ки: математика, польский язык и литература, позднее, в четвертом классе, география и история. Было пение, но наша учительница его не любила, поэтому по воскресеньям приходил ее муж, тоже учитель из Достоева, и вел этот предмет. Нам нравилось петь. Каждый день в школе начинался и заканчивался молитвой, в которой мы просили Господа, чтобы он дал нам желание к знаниям и способности. Мне очень нужно было учиться, потому что хотела стать учительницей.

При Польше трудолюбивые и предприимчивые люди имели достаточно возможностей для заработка. Были те, кто выезжал на работу за границу, в основном в США. Туда ехали мужчины, зарабатывали деньги, а затем возвращались обратно. У нас в деревне жил мужчина вернувшийся оттуда. Он был пожилой. Говорят, в Америке он копал ямы на кладбище. Не знаю, насколько это правда, но у нас в деревне после возвращения из Америки он занимался именно этим. Никто не мог выкопать такую ровную яму, как он. На заработанные за границей деньги он построил большой дом и самую большую в деревне клуню, хотя ничего особенного в ней не хранил. Были люди, которые уезжали целыми семьями, и больше не возвращались. Эти уезжали чаще всего в Аргентину, Парагвай и Африку.

Мой же отец, как говорят теперь, имел свой бизнес. На рын-

ке он купил хорошего жеребенка, которого он держал в стойле, не использовал на различных работах и кормил только овсом. Отец был в хороших отношениях с одним влиятельным поляком, и это позволило ему получить справку, подтверждающую элитную породу этого жеребенка. Когда жеребенок подрос, к нему стали водить кобыл для осеменения. Стоила эта услуга 5 злотых. Денег на жизнь хватало, мы никогда не жаловались на недостаток, но все равно, многие, и мой отец в том числе, ждали Советскую власть. Вернее, даже не советскую, а русскую, поскольку при поляках существовало неравноправие, и белорусам это не нравилось. Да, белорусы наравне с поляками могли ходить в школы, но путь в институт для них был практически закрыт. И белорусы, и поляки платили одинаковые налоги, но поляку было гораздо легче найти хорошую работу. Белорусы же, по мнению поляков, должны были только обрабатывать землю. Также, многие считали, что с приходом советской власти, земли, леса и пастбища, принадлежавшие панам, передадут крестьянам.

Так же, как и поляки, белорусы тоже являлись гражданами этой страны. И когда 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, моего отца призвали в армию. Я плакала и думала, что его убьют на этой войне. Он успокаивал меня и сестру, говорил, чтобы вели себя хорошо

Ольга Николаевна.
Польша, д. Горовата, 1939 г.

и во всем помогали маме. Вскоре в нашу деревню приехали представители польской армии с двумя списками. Для неграмотных на списках были нанесены линии, на одном узкая, а на другом широкая. Люди из разных списков в определенные дни должны были явиться в призывные пункты. Мой отец схитрил или не разобрался в линиях, и прибыл не в свой день. Поляки не знали, что с ним делать и посадили в отдельную комнату. На него не были предусмотрены ни форма, ни питание. Поэтому, когда он начал просить кушать, поляки плюнули и приказали ему возвращаться в деревню, пообещав призвать позднее. Во второй раз отец и другие мужики до военкомата не добрались и вернулись в деревню на следующий день.

ЗНАКОМСТВО С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

День 17 сентября 1939 г. для многих односельчан стал праздником. Путь военных частей Красной Армии не пролегал через нашу деревню. Поэтому сре-

ди местных жителей была создана делегация из 5-6-ти человек, которая направилась навстречу частям Красной Армии. Эти люди попросили, чтобы часть войск прошла и через Горовату. Красноармейцы откликнулись на их просьбу, и через нашу деревню прошла колонна кавалерии с обозом и продовольствием. Наши сельчане встречали их хлебом и солью. Мужики съездили в лес и вырубали дубок и несколько елок. Из дуба они сделали крест, который установили в начале деревни. Место вокруг него украсили елками. Люди чувствовали свободу и эмоциональный подъем, потому что при Польше лес принадлежал пану, и вот так просто поехать туда и что-то вырубать было запрещено. Люди практически ничего не знали о Советской власти, иначе бы не встречали её крестом. Вскоре практически все были в ней разочарованы.

Ожидания людей не оправдались. Землю и лес никому не раздали. В нашей семье тоже не надеялись на это. После того, как воссоединили Восточную и Западную Беларусь, появилась возможность писать письма в Россию. Моя мать поспешила воспользоваться этим и написала семье, которая приютила ее с родственниками во время Первой мировой войны, когда они были беженцами. Вскоре пришел ответ, и мать узнала, что эти люди к тому моменту были репрессированы. Она испугалась, думая что, вскоре доберутся и до них.

Неприятности не обошли и нашу семью. С приходом Советской власти всех домашних животных обложили налогами, в том числе и того племенного жеребца, который стоял в стойле. Содержать его отцу стало в тягость, и он его продал. У нового хозяина конь стал рабочим. Это был сильный конь, ржание его было слышно по всей округе. Когда мать его видела, то у нее наворачивались слезы. Было жалко.

От старого бизнеса у нас в семье осталось много польских денег. Отец собрал эти деньги, также пособирал у односельчан, и поехал в банк менять их на советские рубли. Поменять не удалось, деньги пропали. Но это было не самое страшное. Позднее отец осознал, какую ошибку он сделал. Его с такой суммой запросто могли обвинить в кулачестве и сослать в Сибирь. Но Бог миловал.

В советское время я во второй раз пошла в четвертый класс. Учи-

ли тому же, только вместо польского языка и литературы, был язык русский и белорусский языки.

ВОЙНА

О войне мы узнали практически сразу же. И уже примерно на третий день вдалеке стала слышна канонада. Вскоре появились и первые немцы. Удивило то, что практически все они были на машинах и мотоциклах, которые до этого мы видели очень редко. При Польше у нас в округе был всего один автомобиль. Один богатый поляк, владелец бровара, каждое воскресенье на нем мимо нашей деревни ехал в костел в Янов. И даже наша армия, которую мы видели в 1939 г. была либо на лошадях, либо пешком. А немцы, вот, на машинах все.

На какое-то время воцарилось безвластие. Власть была у тех, у кого в руках было оружие. При этом немцы из их всех были самыми цивилизованными. Они никого просто так не убивали, пытались общаться и даже шутить с местной молодежью. Приходили и к нам домой. Случилось это после того, как они узнали, что у нас есть большой рулон домотканого полотна. Оно было хорошего качества, и немцам нравилось делать из него шорты. К нам выстроилась целая очередь, и ни один из немцев не отобрал ткань просто так. Каждый что-либо приносил взамен. Кто-то сахар, кто-то цикорий или мыло.

В 1944 г. когда немцы отступали, они просто в один день сели на машины и уехали. Через нашу деревню проезжали и другие отсту-

Николай Иванович Апанасюк.
Польша, д. Горовата, 1939 г.

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Ольга Николаевна со своими дочерьми Ларисой и Зинаидой

пающие. И опять же, немцы ничего не отбирали у жителей деревни. Худшее, что они могли сделать, это забрать у какого-нибудь крестьянина его лошадь. При этом они всегда оставляли ему взамен ту, на которой приехали, уставшую и изнеможенную, т. е. не отбирали, а меняли. Оставленной лошади нужно было дать попить и отдохнуть, и она опять была готова к работе.

Но все равно немцев мы боялись, у них была плохая идеология. Прежде всего, боялись того, что нас могут забрать в Германию на работу. Боялись неизвестности, потому что подробностей своей жизни в Германии никто в письмах не описывал, а о судьбах большинства тех, кто там находился, вообще ничего не было известно. Тех, кого не забирали в Германию, немцы заставляли работать здесь, на месте. Мой отец подвозил на лошади бревна из леса к железной дороге. Затем дерево грузили в вагоны и отправляли в Германию. Я работала в бывшем имении, на полях, собирала ягоды в лесу, и занималась другими делами. Летом работали

много, с утра до вечера, 6 дней в неделю. В остальное время года на работы ходить не заставляли. Времени хватало и на собственное хозяйство. За всю войну мы ни разу не испытывали голод, даже не смотря на то, что часть продуктов приходилось отдавать и немцам, и мадьярам и партизанам.

Мадьяры были хуже немцев. Даже не смотря на то, что были в военной форме, они все равно выглядели какими-то неряшливыми. Немцы были хозяевами, а мадьяры — их прислужниками. Все об это знали, и они сами в том числе. Может быть, именно поэтому они были злее немцев.

Случалось, оккупанты проводили карательные операции против партизан. Жители деревни обычно узнавали об этом заранее и бежали в лес. Тех, кто не мог идти сам, детей и стариков, перевозили на телегах, но до первой канавы или лесного завала. Дальше не было возможности. Когда до них добрались немцы, они видели, что эти люди безобидные, разворачивались и просто уходили. Мадьяры же расстреливали всех детей и стариков, а затем докладывали в немецкой комендатуре, что они убили 50 или 100 партизан.

Приходили к нам и партизаны. Происходило это практически каждую ночь. Они наедались и искали то, что можно забрать с собой. Взамен ничего не оставляли кроме грязного белья. Немцам они тоже доставляли много проблем. Часто их обстреливали, практически каждый день подрывали поезда. Я часто слышала взрывы со стороны железной дороги и видела большое черное облако дыма, поднимающееся в небо с той стороны.

Как я говорила, во время войны было безвластие. Сила была у тех, кто имел оружие. Поэтому мы боялись и немцев, и мадьяр, и партизан, и даже своих соседей. Потому что каждый понимал, что законов нет. Партизаны расстреливали по доносам тех, кто служит немцам, а немцы и полиция — тех, чьи родственники в были партизанах. Чувство зависти или какие-либо ста-

рые обиды могли стать причиной трагедии даже среди односельчан.

Когда летом 1944 г. фронт приближался к нашей деревне, все ее жители собрали самое ценное и ушли в лес. Вскоре со стороны деревни стала слышаться стрельба и взрывы. Мы боялись, что нас могут убить. Через некоторое время, после того, как все стихло, несколько самых смелых решили отправиться в деревню на разведку. Когда они вернулись, то сообщили нам, что в деревне уже советские солдаты. Все вздохнули с облегчением. В 1944 г. моего отца из-за возраста не стали призывать на фронт. Война для нашей семьи закончилась.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Сразу после освобождения у нас начали формировать колхозы. Мы привыкли к своей земле, и коллективизация нами была воспринята плохо. Я не хотела работать в колхозе, поэтому уехала еще в 1944 г. в Пинск, где брат моего отца работал в стройтресте. Именно он помог мне устроиться в общежитие, а затем подыскал работу и устроил уборщицей. Продукты тогда выдавали по карточкам, а рабочие были настолько заняты, что не успевали их забирать. Работая уборщицей, я сама могла получать продукты для себя, а заодно и для строителей, которые жили в общежитии.

Вскоре произошел случай, который изменил мою жизнь. В Пинск проведать меня ехала моя мать. Ехала она на конной повозке вместе с односельчанкой. У них завязалась беседа, и моя мама узнала, что эта женщина тоже едет в Пинск навестить свою дочь, которая учится в недавно открывшемся педагогическом училище. При встрече со мной мама это все мне рассказала, и я решила тоже там учиться и стать учительницей. За советом и помощью обратилась к дяде. Он сказал, что женщина должна быть матерью и хозяйкой в доме, а деньги должен зарабатывать мужчина. Тем не менее, он признался, что в этом училище его

Ольга Николаевна и Петр Филиппович. Пинск, 1946 г.

бригада делала ремонт, и назвал мне адрес. Я пришла туда и просто бродила по коридорам, пока не встретила директора. Он пригласил меня в свой кабинет, выслушал и сказал, что с понедельника я могу приходить на занятия. Это было в декабре 1944 г.

Через месяц, в начале 1945 г., к нам в группу попал Петр Румачик. Один раз мы сидели на уроке, который вел пожилой и опытный преподаватель математики. Он написал на доске задачу и вызывал всех по очереди. Когда на задаче запнулся четвертый подряд студент, Петя поднял руку. Преподавателю понравилось и решение, и он сам. Я тоже обратила на него внимание, поскольку Петр Филиппович был умный, и на нем была

такая же, как и у меня, деревенская одежда — простой пиджак и тканая сорочка. Мы подружились, а затем полюбили друг друга. Когда учеба подходила к концу, он договорился, чтобы нас распределили в одно место, а затем мы разъехались по домам. Вскоре он пригласил меня в гости, и я приехала к нему в д. Волонель, чтобы познакомиться с родителями. Нашим первым местом работы стала школа в Вульке Радовецкой. Мы прибыли в сельсовет, где нас официально оформили на работу, и там же зарегистрировали брак. Свадьбы у нас не было. Мы

планировали провести ее во время осенних каникул, но Петр Филиппович тяжело заболел. Все, что уже было к ней приготовлено, мы впоследствии отдали моей сестре, которая также в это время выходила замуж.

После Вульки мы работали в Суличеве, затем в Ровинах, Брашевичках, и наконец, когда я уже была беременна, мы решили переехать в Дрогичин и строить здесь свой дом...

Воспоминания записал и обработал Олег Яскович

Ольга Николаевна со своими учениками спустя 40 лет.

НКВД

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ВОПРОСЫ

ОТВЕТЫ

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА ИСИДОРОВИЧА МИХОВИЧА

1. Фамилия

Михович

2. Имя и отчество

Вячеслав Исидорович

Вячеслав Исидорович Михович родился в крестьянской семье на хуторе Дуброва недалеко от Дрогичина в 1880 г. После окончания народного училища в Дрогичине в 1896 г., он поступает в учительскую семинарию, которую успешно заканчивает в 1901 г. Работать он не идет, а продолжает учебу в д. Ровины в югославянском пансионе. Основан этот пансион был известным болгарским просветителем Тодором Минковым, и главной его целью была подготовка молодой интеллигенции и воспитание патриотов, способных бороться за независимость славян от Османского ига на Балканах. В этом месте Вячеслав Михович готовится к поступлению в юнкерское училище. В 1902 г. он успешно сдает экзамен в Виленское пехотное юнкерское училище, и в 1905 г. получает звание подпоручика и направляется на службу в 65 пехотный Московский Его Величества полк, расквартированный в г. Холм.

Случай направил Вячеслава Исидоровича на службу в один из старейших и уважаемых полков, история которого началась в 1700 г. За 200 с лишним лет бойцы 65-го полка приняли участие во многих компаниях и войнах. Шефами полка всегда были известные генералы, например, такие как Дмитрий Дохтуров – герой войны 1812 г. С 1868 г. над полком начал шефствовать лично император Николай II. Неудивительно, что практически сразу же Вячеслав Михович вместе с полком отправляется на Дальний Восток, где шла Русско-Японская войны. Там 65 полк находится до 1907 г. и участия в боевых действиях не принимает.

Боевое крещение Вячеслава Миховича произошло в 1914 г., когда началась Первая Мировая война. Во время этой войны благодаря личному мужеству он получает должность помощника командира полка, звание подполковника и свою самую ценную награду – шашку с позолоченным эфесом и Георгиевской лентой. Вместе с полком Вячеслав Михович прошел фронтными дорогами до самого

конца войны. Октябрьскую революцию он встретил возле г. Илукст (рядом с Даугавпилсом, ныне Латвия).

В 1918 г. 65 полк был расформирован, а бойцы, которые там служили, попали на несколько месяцев к немцам в плен. В плену у Вячеслава Миховича отобрали Георгиевскую шашку. После возвращения из плена, Михович принял решение продолжить службу уже в Красной Армии. Во время Гражданской войны он был командиром 1-й Могилевской дивизии, затем занимался штабной работой – формировал боевые полки, а также был инспектором пехотных войск.

В 1921 г. уже полковник Вячеслав Исидорович Михович вместе с семьей вернулся на Родину – на хутор Дуброва, которая к тому моменту находилась уже в составе Польши. Чем он занимался следующие 20 лет, доподлинно неизвестно. Из протоколов допроса НКВД Вячеслав Михович утверждает, что в это время он являлся крестьянином-собственником, обрабатывал свою землю. НКВД заинтересовалось им после присоединения Западной Беларуси к БССР в 1939 г. В марте 1941 г. Вячеслав Исидорович был арестован по обвинению в «украинском национализме», осужден и сослан в лагерь. Будучи уже в преклонном возрасте бывший офицер царской и Красной армий смог прожить в этих адских условиях всего около года. Он умер в 1942 г. Последующий пересмотр его дела показал, что обвинения, предъявленные Вячеславу Миховичу, были необоснованными. Уже посмертно Вячеслав Исидорович был реабилитирован.

Научный сотрудник
военно-исторического музея
Олег Якович

Фото Вячеслава Миховича из альбома, посвященного лучшим воинам Русской армии времен Первой Мировой войны

ОФИЦЕР ДВУХ АРМИЙ

Местное население

дружно с евреями, но поляки их не любили. Помню, что в начале 1939 г. поляки иногда со свастикой на рукавах пели песенки оскорбительные для евреев. В основном евреи проживали в местечках, но были и сельские.

С приходом советов, в школах начали создаваться комсомольские организации.

О приближении войны свидетельствовала мобилизация мужчин в армию. Тревожно было. Люди боялись немцев. В среду после 1 сентября 1939 г. в нашей деревне уже была польская кавалерия. Поляки никого не грабили, а наоборот разъясняли, чтобы люди не занимались грабежом брошенного имущества. Люди жили относительно спокойно до 17 сентября. На следующий день объявили, что Красная Армия идет нас освобождать. Некоторые осадники, спасаясь, обрели вещи и поехали в Польшу.

Евреи тоже хорошо встречали советы, вывешивали красные флаги. Некоторое время, тогда было безвластие, евреи даже создали свою временную полицию для обеспечения порядка и безопасности. Вскоре началась национализация собственности. Первыми подверглись репрессиям осадники и лесная охрана. Появились евреи – беженцы из Польши, в основном молодые люди. Евреи торговали. Их устраивал даже бартер.

Выборы при Польше были альтернативные, а на последних, в Сейм, было 3 кандидата. Среди них: коммунист, помещик Вяславух из Перковичей и ещё кто-то. Выбрали Вяславуха, так как его люди хорошо знали, он был профессором и до этого 2 раза избирался в Сейм. Жаль, что в 1939 г. большевики его арестовали, а библиотеку сожгли.

Поляки были культурные, порядочные люди. Если брали что-нибудь в долг, то всегда отдавали. В Карловичах жили семьи осадников, в основном на хуторах. 24 декабря 1939 г. началась их повальная депортация в Сибирь. В ту зиму были сильные морозы, и их с маленькими детьми грузили в простые товарные вагоны без отопления. Я и сейчас уважительно к ним отношусь.

Когда пришли немцы, многие поляки подались в полицию из-за того, что наши парни, став атеистами, хотели шика, на спор стреляли в «Матку Боску» и оскверняли храмы. Власть этому не перечила, а наоборот поощряла. При Польше в Воловля была гмина. Вокруг деревень жило много осадников. В каждой деревне была начальная польская школа. В этих школах религию изучали по 2 часа в неделю по четвергам. В Карловичах имелось 4 класса, а в 5-й нужно было идти в Воловель. Переводили из класса в класс через собеседование. Дети стремились учиться, понимая ценность и важность образования в жизни. Когда пришли советские, то из 6 класса польской школы меня перевели в 4-й класс, а с октября – в 5-й класс советской школы. В 1940-41 гг. я закончил 6 классов. При Польше можно было после школы идти в Пинскую гимназию. Там изучали два иностранных языка: русский и немецкий. Гимназия была платной, и не каждый мог позволить себе учиться. В Пинске жило много богатых евреев. Для того, чтобы заработать деньги, многие наши гимназисты репетиторствовали в еврейских семьях.

При Польше торговля была в Дрогичине. Назывались магазины «Рольник» (потребкооперация), но монополия на торговлю принадлежала евреям.

В то время основным источником информации были газеты и радио. Газет было очень мало, и были они дорогие, а советское радио многие слушали. Послушав Москву, и я считал, что в России рай. Коммунисты, преследуемые польскими властями,

ТРИ ВЛАСТИ В ПАМЯТИ АНДРЕЯ ЩИТОВИЧА

бежали туда через Западную границу. Большинство попадались органам НКВД, и их, как шпионов, отправляли в лагеря или расстреливали. Наши люди имели смутные представления о репрессиях и голодоморе. После прихода советов, в 1939 г. некоторые писали своим родственникам в Россию, что у нас Красную Армию встречали цветами. А оттуда писали, чтобы сильно не радовались. К нам в деревню приехал в 1939 г. брат одной женщины из России и сказал, что там беда, а не рай.

В июле 1940 г. в Карловичах появились агитаторы в колхоз. Помню, одного звали Краснов. Он шёл на всякие хитрости для организации колхоза. Некоторые поверили ему и записались. Таким образом, был создан первый колхоз в Гурке (Закозель). Но после рассказа того человека, который приехал из России, люди вышли из колхоза.

22 июня 1941 г. в небе с самого утра летали самолёты. Где-то в 11.00 из сообщений радио мы узнали, что началась война. Паники не было. Некоторые собирались уезжать. Вскоре пришли немцы. Люди были недовольны новой властью. Немцы объясняли, что Польша и Россия уже сюда не вернутся. Поверив их пропаганде, некоторые молодые парни подались в немецкую полицию.

В Дрогичине евреев загнали в гетто. Немцы с поляками не очень дружили. Были конфликты.

В октябре 1942 г. евреев расстреляли у железной дороги.

В 1941 г. многих пленных солдат Красной Армии немцы распустили по деревням, но поняв, что допу-

стили ошибку, в 1942 г. начали собирать и отправлять в лагеря или расстреливать. Видя это, бывшие военнопленные (окруженцы) ушли в партизаны.

Во время войны магазинов не было. Процветал бартер, и приходилось всё менять у спекулянтов на сало или другую продукцию. Деньги были оккупационные – украинские «Карбованци». Людям приходилось обменивать продукты на вещи в гетто. Привозили евреям всё, что нужно (продукты) и меняли. Немцы на это не обращали внимания. Евреи стали есть даже сало, голод заставил.

В Дрогичине работали электростанция, лесопилка, мельница. Открылась биржа труда, основной задачей которой был вывоз людей на работу в Германию. Медицина была платной. Можно было платить и продуктами. В больнице и поликлинике работали врачи евреи и поляки. Лечили и немцев, и местных жителей.

Лекарства по заявке доставлялись железнодорожниками из Варшавы и Германии. За них приходилось рассчитываться продуктами.

ТРИ ВЛАСТИ В ПАМЯТИ АНДРЕЯ ЩИТОВИЧА

Были эпидемии тифа, вши и другие болезни.

В Каролине стояли мадьяры. На вид – чистые, опрятные, но со вшами. Отсутствовал санитарный контроль. С 1943 г. в окрестностях Попины был расквартирован целый мадьярский батальон численностью около 500 человек.

Помню один случай. В среду после обеда в Карловичи приехали немцы. В это время у нас был солдат-грузин. Он пришёл, чтобы поесть. Мы сказали, чтобы он бежал в лес. Он побежал, но немцы его заметили в бинокль и на лошадях догнали. Отобрали пистолет. Заставили копать яму, а затем раздеться. В это время подъехал немецкий офицер и увидел на шее золотой крест. Он заставил грузина одеться. После этого солдата привели в деревню, и спросили, нужен ли кому работник. Они хотели, чтобы его взяли хозяева. И его взяла одна семья. Немцы сказали, что они расстреливают только евреев и коммунистов, а он не коммунист.

При немцах властью в деревнях был староста, которого избирали сами люди.

В 1942 г. немцы

проводили перепись населения. По её результатам выдавали паспорта, без фотографий, с отпечатком пальца и подписью старосты и секретаря. Все обязаны были носить при себе этот паспорт. У кого его не было – считали партизаном.

У людей в августе 1942 г. немцы забрали радиоприёмники и велосипеды. В Дрогичине выходила немецкая газета на украинском языке. Советские листовки появлялись в деревнях где-то во время Сталинградской битвы.

Вскоре начали вывозить молодёжь на принудительные работы в Германию. Присылали повестку. Поэтому многие убегали в лес. Были и те, кто уезжал добровольно. Работала почта, и можно было из Германии родным отправить посылки. Некоторых немецкие хозяева даже отпускали в отпуск. Приезжали они в шикарных костюмах и кожаной обуви. Люди имели свободу веры, так как при немцах даже закрытые церкви и костёлы открылись. Колхозы распустили. Немцы вели заготовку продуктов и платили марками. Всё не забирали, а только 20-25% и спрашивали, осталось ли ещё что-нибудь для семьи. Если нет, то не брали.

В Дро-

гичине в 1942 г. местные жители пошли к начальнику гестапо с просьбой не расстреливать врачей евреев. Немецкий офицер пошёл им на встречу и оставил их в живых. Но семьи врачей расстреляли. Не выдержав этого, два врача (один из которых Лямпер), приняли яд. Гетто в Дрогичине было между нынешними улицами Ленина и Пионерской. Евреев из деревень немцы также согнали в город и поместили в гетто.

Ещё в августе 1941 г. немцы расстреляли всех евреев в Хомске. Весть об этом разнеслась очень быстро. Было ясно, что и остальных они расстреляют. Почему евреи не бежали в леса, было непонятно. Дрогичинское гетто было огорожено забором из колючей проволоки высотой в два метра. Охрану несли местные полицаи. В гетто мог зайти любой, а вот евреев не выпускали. Евреи знали, что их убьют. Немцы им говорили: соберите 8 кг. золота и останетесь в живых. Поверив, они собрали 38 кг., но их всё равно убили. Некоторым удавалось бежать. Через некоторое время от голода и холода они возвращались обратно в гетто и просили их убить вместе со всеми. Евреев немцы переписали, и е с л и

кто-нибудь бежал, то могли расстрелять заложников. У евреев в гетто было и оружие, но они его боялись применять. Золото, собранное у дрогичинских евреев, отправили в Рейхсбанк Германии. Некоторые наивные местные жители искали после войны еврейское золото на территории гетто.

Весной 1942 г. немцы разослали повестки молодёжи, чтобы явились в Дрогичин на биржу труда и при себе имели продукты на 3 дня. Это была первая отправка в Германию. Многие ехали добровольно. Их тогда отправляли в пассажирских вагонах, давали адреса, на какую конкретно фабрику, к какому хозяину ехать. Позже всё ужесточилось. Появились пересыльные лагеря. Оттуда хозяева набирали рабсилу. Не все вернулись домой. Наш земляк Королюк, работая на кирпичном заводе, погиб во время бомбёжки английской авиацией. Обрато возвращались через фильтрационные лагеря. Кто по повестке – отпускали, а кто добровольно, то отправляли в сталинские лагеря.

Многое уже забылось, но думаю, молодёжи будет интересно узнать, что мы пережили.

**Воспоминания
записала и обработала
Светлана Ищенко**

**ІВАН ЛЯВОНЧЫК
221 47 71 (МТС)
ФОТА- І ВІДЭАЗДЫМКА**

**ТАННА І ЯКАСНА,
У ЛЕПШЫХ ТРАДЫЦЫЯХ**

Редколлегия:

Сергей Граник - редактор газеты, директор Военно-исторического музея г. Дрогичина;
Олег Яскович - технический редактор;
Иван Леончик - фотограф;
Светлана Кинчак - директор Липниковской ОСШ, историк-краевед;
Алеся Стасюк - методист отдела культуры Дрогичинского райисполкома;
Светлана Ищенко - учитель истории в ОСШ №2;
Тимофей Климчук - учитель истории, руководитель клуба "Азимут".

Издатель:

Военно-исторический музей
г. Дрогичина, клуб историков "Краевед".
Адрес редакции: 225612, Брестская область, г. Дрогичин, ул. Ленина, 163.
Тел.: 8-016-44-3-14-22;
e-mail: nash_kraj@mail.ru
Газета издается на русском и белорусском языках.
Тираж 200 экземпляров.